

18#СКРЕННЕ И НЕЖНО

заметки о вере и любви

Мария Чебан

Мария Чебан

**Искренне и нежно:
заметки о вере и любви**

«Издательские решения»

Чебан М.

Искренне и нежно: заметки о вере и любви / М. Чебан —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553752-2

Этот сборник — приглашение к разговору на ночной кухне. Я расскажу тебе о том, как Бог обнимает меня руками людей. О том, как же это удивительно сладко: любить и быть любимой. О том, какое чудо — держать на руках пришедшую из небытия жизнь. О том, как ниточки одиночеств переплетаются в кружево дружбы. А потом, когда у нас заканчиваются слова, мы помолчим. Искренне и нежно. Скоро рассвет, и выход обязательно есть. Ведь Христос сидит третьим посреди нас...

ISBN 978-5-00-553752-2

© Чебан М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Если честно	9
Искренность	10
О гастрономических	11
Глубина жизни	12
Глубина и широта	13
Про мудрость	14
Потихоньковые дни	15
Две новости	16
Двойные стандарты	17
Впереди	19
Пасхальная грусть	20
Преображения моей жизни	21
Религиозное невежество	23
Между двумя	24
Зона комфорта	25
Православные девочки	26
Преемственность	27
Игра в ассоциации	28
Целомудрие	29
Про грех	31
Слуга закона	32
Моя некомпетентность	33
Мой талант	34
Творческое бытие	35
Знание – убийца красоты?	36
Смиренная	37
Деньрожденная благодарность	38
Вопрос, который лучше не задавать	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Искренне и нежно: заметки о вере и любви

Мария Чебан

© Мария Чебан, 2021

ISBN 978-5-0055-3752-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Почему эта книга называется «Искренне и нежно»? Потому что две эти добродетели – редкие и прекрасные – вызывают у меня слёзы радости.

В своей жизни я встречала людей, которые хотели сделать меня святой. Они учили меня смирению, высекая мою душу розгами жестоких слов, и ставили на колени перед иконами, привязав к моим ногам камни правил, которые не могли объяснить. Они боялись, что без дисциплины и строгости я улечу в полный соблазнов мир.

Вероятно, это бы и случилось, если бы я не встретила других людей. Они нежно обняли меня и искренне сказали: «Мы не знаем, как жить эту жизнь. Мы просто идём к Нему». Парадоксально, но после этого я встала на колени сама. Не из страха, а из любви.

Я смотрю на мир и вижу не соблазны, а Бога. Ведь это Он наряжает деревья в бордовые платья, крошит с неба белый снег, улыбается семицветной радугой, благословляет любовь Адама и Евы. И если даже это временное произведение Божьего искусства так прекрасно, то что же ждёт нас в загадочном после?..

Во время своей земной жизни Христос не отсиживался в Иерусалимском храме. Он делал для людей деревянную мебель, рассказывал увлекательные и совершенные в литературном отношении истории, навещал друзей, участвовал в праздничных застольях. Не потому, что Он пленился миром. А потому что знал: Бог живёт не под куполами, а в сердцах людей.

Был ли Христос искренен? И да, и нет. Он блистательно обходил логические ловушки фарисеев хитрыми словами, но ищущим Истину давал ответы прямые. Был ли Христос нежен? И да, и нет. Он позволял себе нарушать общественный порядок, опрокидывать столы в храме, чтобы поколебать закореневших в циничности торговцев таинствами. Но к хрупким женщинам Он обращался бережно и нежно. Потому что был талантливым Учителем и знал путь к каждому сердцу...

Эта книга написана для тех, кто ищет Истину хрупким сердцем. Кто прислушивается не к крику, а к шёпоту. Кто плачет не от жестокости, а от любви.

Эта книга написана для тебя.

Будничное христианство

Если честно

Если честно, когда меня спрашивают о любимой книге, я колеблюсь между «Хрониками Нарнии» и «Властелином Колец». И ни разу мне не пришло в голову ответить: «Моя любимая книга – Библия. Особенно Евангелие от Иоанна и Пятикнижие. Ну а про второй псалом вообще молчу. Какое содержание, какая форма!..» Конечно, я могу оправдаться сотнями оправданий, придумать возвышенную гипотезу, по которой я будто бы не произношу слово «Библия» всуе, но правда будет гораздо больнее и проще: Библия – не центральная книга моей жизни.

Если честно, я не уверена, что хоть раз в жизни молилась. Читала по молитвослову набор малопонятных фраз, параллельно думая о ста двадцати важных вещах? Да, было. Устремляла влажные глаза к небу и жаловалась на жизнь, временами вставляя имя Бога, но, по сути, обращаясь к самой себе? Припоминаю. Щурясь от первого весеннего солнышка, напевала «слава тебе, Господи», как напевал бы другой «тра-ля-ля»? Случалось. Только вот было ли это молитвой?..

Если честно, центр моей жизни – я. Не устаю ежедневно доказывать это делами, ставя свой комфорт и спокойствие выше всего. Или не ставя, но потом многозначительно припоминая при каждом удобном случае: «А помнишь, какую жертву я принесла...»

И, если честно, вопреки всему этому я верю, что Он меня любит. А когда меня спрашивают: «Как думаешь, куда ты попадёшь после?..» – то я, не дослушав вопрос, уверенно отвечаю: «В рай». Понимаю, что смущаю вопрошающего своей наглой нескромностью, но я отвечаю так вовсе не потому, что освоила навык безгрешной жизни. Просто я очень хочу ответить взаимностью на Его любовь. Так хочу, что готова залезть в Его Царство через забор и постоять с краешку, если мне не хватит стула. А если меня спросят, что я тут забыла, то я отвечу: «Вы простите, что я так нагло. Я ведь и Библию-то, признаться, так и не поняла. Вот вроде зацепит до слёз, а потом уже и не вспомню, почему. И молиться я так и не научилась, всё над словами длинными и сложными думала, да ещё сомневалась: смотреть на икону или не смотреть? Но я так хотела быть с Ним...» Смогли бы вы после этих слов меня прогнать? То-то же. А там, между прочим, святые будут!

Давайте говорить честно, как бы порой глупо это ни звучало. Потому что говорить нечестно – ещё глупее.

Искренность

Уже несколько дней внутри меня до слёз звенят хрустальные слова Филипа Янси: «Я убеждён, что главное требование к молитве – искренность. Я должен приходить к Богу таким, какой я есть». И ведь это не только про молитву, но и про всю жизнь...

А в концерте Бортнянского, который я сейчас дирижирую, есть строчка из псалма: «И не сотвори зла искреннему своему». Пытаюсь жестом передать всю нежность, которую во мне вызывает хрупкое и доверчивое обращение: «Искренний мой». Как же можно сотворить ему – обнажившему свою душу – какое-либо зло? Если он искренен со мной, я не могу этим пользоваться. Это худшее из предательств...

Почему-то вспомнился забавно-стыдный случай из детства. Я, как и многие подростки, не видела смысла в уборке, и однажды мама увидела на моей иконной полочке написанное на слое пыли: «Христос Воскресе». Может быть, искренность в таких бессознательных порывах? Моё школьное стремление в храм, мои «ХВ» на полях тетради – бессознательное и такое... убогое. По крайней мере, я так думала раньше. А он видит в этом не убогое, а Любовь...

Физически присутствую на богослужении практически ежедневно, но так редко действительно молюсь. А когда молюсь, то молитвы мои, начинаясь с эмоциональных порывов, приходят к тишине. Я боюсь молиться выдуманному Богу. Поэтому просто стою перед Ним, пытаюсь выключить бушующее воображение и молчу примерно такие мысли: «Я тут, я твоя, я хочу верить и любить, но не знаю как. Нужна ли Тебе такая я?»

О гастрономических поисках одного ребенка

Один ребёнок родился в семье, строго придерживающейся правильного питания. Ещё в утробе он приучался к правильным вкусовым привычкам, впитывал с материнским молоком вкус свежих фруктов и овощей, получал за родительским столом сбалансированную порцию жиров, белков и углеводов с горсточкой сухофруктов на десерт. Как говорится, ничто не предвещало беды.

Впервые он попробовал чипсы в десять лет, когда шёл из школы с одноклассником. Мама сразу почувствовала нетипичный для их дома запах. Вечером ребёнка ждал серьёзный разговор о вреде пищевых добавок. Нет, любящие родители не ругали, они только предупреждали о существовании рака, ожирения, сахарного диабета и гастрита. Ребёнок услышал и поверил, хотя вкус чипсов показался ему не таким уж и ужасным.

Сложно сказать, когда и из-за чего это началось, но в пятнадцать он стал чипсозависимым. Вечером в компании ребят он громче всех шелестел яркими упаковками, и единственным, что хоть как-то его ограничивало, было отсутствие денег и жизнь в родительском доме. Несмотря на то, что отношения с отцом и матерью стали натянутыми, он не хотел причинять им боль.

В восемнадцать он уехал из своего маленького города и погрузился в мир макдональдсов и пиццерий. Вначале изобилие новых ярких вкусов казалось ему пределом счастья. Но где-то через полгода у него впервые заболел живот...

История этого взрослого ребёнка закончилась хорошо. Он пришёл к полному взаимопониманию с родителями, которые, как оказалось, перешли на правильное питание после обнаружения у отца язвы желудка. Наш герой читал медицинские книги, ходил на кулинарные курсы, учился понимать свой организм и долго искал золотую середину между «полезно» и «вкусно». Результатом этого поиска стал маленький ресторанчик с абсолютно полезными бургерами, которые завоевали любовь и старшего, и младшего поколения.

А другой ребёнок родился в церковной семье. И знаете, с ним произошло то же самое...

Глубина жизни

Однажды я открыла удивительный закон жизни: у каждого события есть своя глубина. Причём зависит она не от самого события, а от моего к нему отношения.

Скажем, «уборка». Простое, казалось бы, слово, но за ним могут стоять совершенно разные явления. Уборка может быть рутинной обязанностью: отковыриванием со дна кастрюли прилипшей каши или оттиранием жёлтых разводов ванны. И вместе с этим уборка может быть грациозным танцем: приятной музыкой, белоснежной скатертью, свежим порывом ветра, ворвавшимся в только что вымытое окно. Этот танец даже может быть парным, если один из вас моет, а другой вытирает, или один складывает, а другой читает ему вслух.

Для кого-то «свадьба мечты» – ресторан, фотограф и тамада, а для кого-то – белые кеды и глаза напротив. И то и другое при желании можно понять. Главное, сделать это вовремя, чтобы успеть воплотить в жизнь подходящий себе сценарий. Потому что нет ничего глупее, чем позвать сотню нежеланных гостей или, наоборот, всю жизнь сожалеть о том, что этих самых гостей не было.

Да, я сама наполняю события содержанием. Почему же я так редко замечаю эту ответственность, перекладывая её на чужие плечи? Почему я забываю, что от меня, а не от учителей, зависит, будет моя «учёба» добычей оценок или знаний?

Почему я забываю, что Господь дал мне выбор: провести жизнь на глубине лягушатника или нырнуть в открытый океан, чтобы достать со дна жемчужину Его Царства?..

Глубина и широта

Бывают люди с глубокой душой. Многогранные и печальные. Идущие на цыпочках. Замечающие незаметное. Плачущие о прекрасном. Любящие однажды и навсегда.

Бывают люди с широкой душой. Щедрые и тёплые. Беспечно кружащиеся. Побеждающие смехом любую тьму. Согревающие объятиями. Любящие каждого встречного.

А есть Он. Глубокий, как океан. Широкий, как небо. Бесконечный в Своей любви.

Про мудрость и масло

Когда поёшь в храме (особенно если храм расположен возле кладбища), то ты идёшь со службы с большим пакетом еды. Специфичной еды. Еды, которую нельзя съесть.

Почему-то многие прихожане уверены, что священники и певчие питаются исключительно крупой с подсолнечным маслом, а их дети с благодарностью кидаются на ломающие зубы карамельки и просроченные консервы. Эх, как в эти минуты скучаешь по приходам, где есть традиция приносить горячие пирожки и гроздь спелого винограда...

И вот идёшь ты со службы со своим елеем и думаешь: «Ну и за что, Господи? Ну куда мне ставить эту пятую по счёту бутылку?»

На следующей службе ты, замотав лицо платком, убегаешь от приготовившей тебе пакет женщины. А потом наступает отпуск или карантин, и проблема решается естественным путем. Дома, как ты и хотела, становится чисто и просторно.

Но вот однажды настанет момент, когда ты, начав жарить блины, открываешь ящик с запасами, и там... Не оказывается масла! Ты удивлённо выключаешь плиту и задумчиво бредёшь в магазин, размышляя о том, что с маслом в тумбочке всё-таки лучше.

И это не только про масло. Это про школьные годы, про мамино «надень шапку», про «вокруг слишком много людей», которое очень быстро сменяется на «устала от одиночества».

Будь мудрой. Цени масло. Ведь никогда не знаешь, когда оно может закончиться...

ПОТИХОНЬКОВЫЕ ДНИ

У каждого в жизни случаются дни, полные усталости и неприятных происшествий. В эти дни теряются экстренно нужные документы, прямо перед носом захлопываются двери поездов, дедлайны наступают на и без того стёртые в кровь пятки. Всё кажется безрадостным и мрачным. В голове крутится не самая логичная, но упрямая мысль: «Это никогда не кончится».

Но оно кончится.

А значит, этот насквозь промокший от невыплаканных слёз день можно просто переплыть. Медленно и потихоньку, расслабив тело и доверившись течению времени. Отложить всё, что можно, на завтра. Выдохнуть, заварить любимый чай и пойти делать то, что отложить всё-таки нельзя.

Иногда лучше проиграть сражение, но выиграть войну. Иногда лучше побыть медленной потихонькой с невыполненным списком дел, чтобы река времени сама доставила тебя на берег нового дня. Ведь там можно попробовать заново.

Спасибо, Господи, что припас для меня столько новых шансов. Спасибо, что ценишь мои попытки, даже когда я, не умеющая доверять созданному Тобой времени, начинаю тонуть. Спасибо, что в самые неудачные дни Ты всё равно потихоньку рядом.

Две новости

Друзья, у меня для вас две новости! Одна хорошая, а другая не очень.

Я обязательно поделюсь ими, но вначале попрошу вас представить тех, кого вы недолюбливаете. (Конечно, я знаю, что всех и всегда надо любить, но всё-таки...). Чтобы помочь вам представить, я начну сама.

Я недолюбливаю тех, кто называет себя христианами, а носит холодную злобу в душе и мёртвые штампы в голове. Недолюбливаю пропагандирующих развратный образ жизни, лебезящих перед начальством и наживающихся на чужом горе. Недолюбливаю равнодушных врачей, грубых чиновников и обсчитывающих меня продавщиц. (Думаю, вы поняли суть и смогли продолжить список).

А теперь, собственно, новости.

Первая (она же хорошая): вы попадёте в Царствие Небесное. Вторая (она же не очень хорошая): вы попадёте в Царствие Небесное вместе с теми, кого недолюбливаете.

Потому что Господь их долюбливает и прощает. Так же, как и вас.

Двойные стандарты

– Что-то мне страшно, – говорит девушка, садясь в гинекологическое кресло.

Врач с сочувствием смотрит на неё и говорит:

– Ещё не поздно передумать, ведь дети – это счастье...

– В каком смысле? – настороженно переспрашивает она.

Медсестра шепчет врачу:

– Эта не на аборт, у неё послеродовая чистка.

– Ну да, у меня вообще-то трое детей.

Сочувствие врача сменяется негодованием.

– Как? Такая молодая, а уже трое?

Трапеза после воскресной службы. За столом сидят настоятель с матушкой и хор.

– А я думаю, – говорит одна певчая, – что священник не должен привязываться ни к чему земному. Все эти телефоны, машины – такое искушение. Нет, даже хорошо, что священников переводят с прихода на приход. Пусть не привязываются!

– Но... – хочет что-то сказать матушка, как вдруг у певчей звонит телефон.

– Простите, срочно вызвали на работу. До субботы! – прощается она, садится в свою машину и едет по делам.

– Тысяча рублей за приём! Ты только представь, – возмущённо говорит Даша.

– Ужасно! – возмущённо говорит Маша.

– За пятиминутный осмотр и бумажку с названиями лекарств?

– Беспредел!

– Да за такие деньги они мне должны эти лекарства упаковать в коробку с ленточкой.

– Верно!

– Да я за эти деньги целый час маникюр клиенткам делаю. И зачем? Чтобы потом вот так отдавать свою зарплату? Никакого уважения к чужому труду!

– Здорово, Ванёк! Как жизнь студенческая?

– Ой, Серёг, не спрашивай. Раньше жизнь кипела: поездки, конференции, встречи...

А сейчас этот новый декан в кабинете заперся и сидит, полный застой. С первокурсниками даже не встречался. Короче, игнорит свои обязанности.

– Жаль... Пойдём хоть по стаканчику пропустим для настроения?

– Серёг, у меня завтра зачёт.

– Зачёт – не экзамен.

– Я вообще не выучил.

– И что, первый раз, что ли? Да и разве ты кому-то что-то должен?

– Ну ладно, пойдём.

Нет, эти ситуации не про каких-то особенно гадких людей, а про обычных нас: уставших и слегка недовольных всем вокруг. Нам все что-то должны: учителя – научить, врачи – исцелить, батюшки – отмолить. Но, увы и ах, так не работает. И мы в который раз разочаровываемся в своих ближних.

На днях меня спросили: «Как научиться не осуждать?» Я не ответила, потому что отвечать на этот вопрос имеет право только тот, кто победил осуждение в себе. Это явно не мой случай. Но одна удачная теоретическая гипотеза у меня есть: «Надо стараться оправдывать других людей так, как мы оправдываем сами себя». Ведь мы часто косячим: раздражаемся, опаздываем и грешим. Но мы-то знаем, что раздражаемся от усталости, опаздываем из-за не зависящих от нас обстоятельств, а грешим в разы меньше, чем могли бы.

А что, если стать духовными адвокатами своих ближних, замечая не только их преступления, но и их смягчающие обстоятельства?

Впереди Страстная седмица

Впереди Страстная седмица. И хочется провести её как-то особенно и правильно. Хочется успеть доделать недоделанное, прочувствовать непрочувствованное, прожить непрожитое. Хочется не сожалеть о прошлом и о том, что «было бы, если бы». Хочется жить здесь и сейчас, с благодарностью на устах и миром в сердце.

Впереди Страстная седмица. И я наконец-то попробую отложить свой перегревшийся телефон, чтобы внимательнее посмотреть вокруг: на отношения с Богом и ближними, на содержание своей жизни, на распускающиеся почки деревьев за окном. Но в первую очередь – на Христа. Потому что в расписании жизни эта неделя должна полностью принадлежать Ему. Поверьте, одна неделя из пятидесяти двух – не так уж много.

Впереди Страстная седмица. Я буду слушать и напевать «Вечери Твоя» Львова и «Се, Жених грядет в полунощи» Киевского распева. Буду читать Писание и выписывать понравившиеся места в свой дневник, а после задумчиво раскрашивать их цветными карандашами. Чтобы через это физическое действие стать ближе к сути этих святых и пока что непознаваемых слов.

Впереди Страстная седмица. Первая, которую я встречу в роли хозяйки, ищущей золотую середину между внешним и внутренним. Надеюсь, что Господь даст мне мудрость её найти. А ещё поможет моим дебютным куличам наполнить дом ароматом детства и любви.

Впереди Страстная седмица. А внутри меня – Пасхальная радость и Надежда. Потому что скоро Иоанн Златоуст скажет: «Постившиеся и непостившиеся, веселитесь ныне». А я подумаю: «Непостившиеся? Значит, и мне можно? Значит, и мне рады?» А он, видя мои сомнения, добавит, что не надо плакать о грехах, потому что «из гроба воссияло прощение». И я удивлюсь ещё больше, а потом заплачу от радости.

Впереди Страстная седмица. А за ней – Пасха.

Пасхальная грусть

Раньше Пасха была самым долгожданным и самым печальным днём в моей жизни. Если моё ожидание разделяли многие, то в своей печали я была одинока. Я и сама плохо понимала её, и если бы меня спросили, о чём я грущу, то в лучшем случае услышали бы от меня в ответ: «Чего-то не хватает».

Ведь я так ждала! Я радовалась Великому посту, потому что он приближал меня к Торжеству. Я мыла окна, пекла куличи, несколько раз переглаживала шарфик к Пасхальной службе и вычитывала правило перед Причастием внимательнее, чем обычно. Я делала всё, зависящее от меня, чтобы Праздник пришёл, и он действительно пришёл! Но... Почему я всё равно чего-то жду?

Крестный ход замер у храма, а я – жду. Первый раз запели «Христос воскрес», а я – жду. Из алтаря вынесли Чашу, а я – жду. Регент раздала всем сладкие подарки и поблагодарила за службу, а я – всё ещё жду. Я уже переоделась в пижаму и сижу в своей тёмной комнате, но по-прежнему чего-то жду и не понимаю: неужели только что была кульминация моего долгого ожидания, неужели сейчас промелькнуло главное событие моего года?

И только в этом году я наконец-то поняла, что ждала не Пасху. Я ждала Царство Божие... Моё открытие удивило меня своей очевидностью. Ведь это так просто! Пасха – не цель, а всего лишь деревянный указатель при дороге. И хорошо сесть рядом с ним, отдохнуть, порадоваться друг с другом, что мы движемся в верном направлении, и снова отправиться в путь к нашей настоящей цели, которая лежит за пределами жизни...

Моё открытие позволило мне насладиться Пасхой 2020 года – года, когда я, как и большинство христиан, встречала Пасху дома. Теперь я не ждала от этого дня слишком многого, но то небольшое, что случилось, наполнило моё сердце благодарностью.

Господи, дивны чудеса Твои!

Преображения моей жизни

Преображение 2016

Я пою на клиросе, на котором обрела свой жизненный путь. Десятилетней девочкой я поднялась сюда из храма; восемнадцатилетней девушкой ухожу отсюда в таинственную взрослость. В моей душе благодарность к прошедшему и волнительное предвкушение грядущего, ведь уже через несколько дней я уеду учиться на регента в Троице-Сергиеву Лавру.

Конечно, я буду приезжать домой на каникулы, но вернуться полностью, как раньше, не смогу уже никогда. Чем дальше, тем сильнее будет чувство, что я – родной и желанный, но всё-таки гость.

Преображение 2017

Я пою на левом клиросе, состоящим из тридцати девушек. На мне, как и на других хористках, белый шарфик, белая рубашка с длинным рукавом и чёрная юбка в пол. С радостью и нежностью смотрю на однокурсниц, по которым соскучилась за лето, но пышное архиерейское богослужение воспринимаю уже не как праздник соборности, а как суетливую повинность.

Сидя на трапезе после службы, с надеждой заглядываю в телефон и улыбаюсь, видя сообщение: «Прогуляемся вечером?» Открываю заметки и начинаю писать: «Знакомы неделю, а чувство, что сотню лет:/ дивный узор немислимых совпадений...» Про неделю я, конечно, здорово приуменьшила, ведь с нашего первого свидания прошло целых 19 дней.

Завтра меня ждёт рабочий день в музее Академии, где я буду бродить среди древних икон, писать рассказы, вспоминать вчерашнюю прогулку и думать о том, что же ждёт нас впереди.

Преображение 2018

Я регентую квартетом, отправленным в семинарский храм по просьбе его ризничного. Здесь тихо и таинственно, ведь в алтаре только один священнослужитель, а в притворе – единственный прихожанин. После службы этот прихожанин – профессор Алексей Ильич Осипов – благодарит нас за пение и приглашает к себе в гости. С неожиданной наглостью соглашаемся, за что получаем вечером шоколадки и книжки из рук автора.

Одна из хористок просит нас спеть ещё одну Литургию, и мы, не отпросившись у воспитателя, едем в храм Серафима Саровского, расположенный на территории известного завода церковной утвари в Софрино. После поездки я забегаю в Академию, где в почтовом ящике меня ждёт маленький конвертик, уместающийся на ладони. Внутри конверта – записка, о примерном содержании которой может догадаться каждый, кто когда-нибудь влюблялся. Я, крутя на пальце обручальное колечко, пишу в далёкую Молдавию, что таинственный голубь снова принёс мне бумажный кусочек радости.

Я мечтаю, чтобы мой возлюбленный оказался рядом и мы пошли гулять. Но, поскольку такого роскошного варианта нет, я возвращаюсь в комнату, беру ноутбук и пишу план книги «Семинарские зарисовки», о которой пару недель назад рассказала своему заведующему. Когда я устану от писательского труда, то возьму «Исповедь» Августина и, отправившись на скамеечку у пруда, погружусь в чтение.

Преображение 2019

Я пою третьим голосом, причём без слов. Кажется, я одна из всего храма замечаю, что язык богослужения может поменяться прямо посередине ектеньи. Батюшка, хор и прихожане, живущие в двуязычном мире, кажутся мне носителями тайного знания, и я краешком сознания грущу о своём лингвистическом кретинизме. Потом вспоминаю, что по-английски сего-

дняшний день называется «Transfiguration», возмущаюсь обыденно-фантастическим оттенком этого слова. И утешаюсь, что, хоть мне и довелось застрять в языковых рамках, это случилось в моём любимом «великом и могучем».

Во время службы в храме пустовато, зато на освящение винограда неожиданно появляется солидная толпа. Священник обращается к собравшимся с долгой проповедью, из которой я понимаю только русское «хорошо» и молдавское «церковь». По дороге домой, срывая молодые грецкие орехи и, конечно же, дегустируя очередное мороженое из местного магазинчика, я спрашиваю мужа, о чём была проповедь. Он пересказывает привычное церковному уху толкование Евангелия и описание праздника, но в конце неожиданно добавляет:

– ... и про фальшивые доллары.

Видя мой непонимающий взгляд, поясняет:

– Люди привыкли, что в храме надо жертвовать бумажные купюры. Один (приднестровский) рубль класть вроде как мало, пять – уже много. Поэтому люди покупают за рубль игрушечный доллар и жертвуют его. Батюшка просил этого не делать.

Спрятавшись в прохладе дома от сорокаградусной жары, мы в очередной раз пересматриваем свадебные фотографии, а потом заходим на сайт Литературного института, чтобы узнать, что ближайшие 6 лет я буду его студенткой.

Преображение 2020

Я пою в хоре маленького кладбищенского храма и, хоть прихожу сюда нечасто, чувствую себя почти дома. У меня есть своя собственная табуретка и при всяком удобном случае бабушки заботливо усаживают меня, тихонько рассказывая истории о том, как пятьдесят лет назад тоже носили под сердцем новую жизнь. Храм заполнен детьми, и я с любопытством смотрю на них, представляя, как всё это будет у нас.

Придя домой, я затеваю праздничную готовку, которая завершается перед самым приездом мужа-диакона из Москвы. Скоро у него начнётся ответственный выпускной курс, но пока что мы проживаем одни из самых безмятежно-прекрасных летних каникул, наполненных фильмами, фруктами, игрой в бадминтон и нарды и, конечно же, ожиданием встречи.

Преображение 2021

Я пою «Отче наш», стоя на улице с коляской. Сын бьёт пяткой по ботику уже маленькой люльки. Над нами голубое небо, а впереди – жизнь.

Я не знаю, каким будет следующий год. Наверняка появится что-то новое, а что-то старое исчезнет навсегда. Может быть, наша семья станет больше, а может быть, меньше... Я не знаю, что будет дальше. Знаю лишь, что сегодняшний день не повторится никогда.

Поэтому я щекочу мягкую, ещё не познавшую ходьбы пяточку. Поэтому я говорю вернувшемуся из Москвы мужу очередное, но не утратившее своей сладости «люблю». Поэтому я стараюсь быть здесь и сейчас.

Религиозное невежество

Должна признаться, что мне искренне нравится моё поколение. В частности, за то, что оно стремится к образованности.

– А я вот тут с Гомером познакомилась, – говорю я.

– Да, великий автор... – слышу я в ответ.

Нет-нет, у меня нет иллюзии, что образованность может уберечь человека от падений, но, по крайней мере, она свидетельствует о его борьбе с ленью, что уже кое-что значит.

Ещё больше я ценю в своих сверстниках умение признавать свои ошибки.

– А я вот тут с Гомером познакомилась, – говорю я.

– Да, прикольный мультик, – слышу я в ответ.

– Вообще-то я про древнегреческого писателя.

– Да? А такой есть?

И после изучения статьи в гугле мой собеседник легко и просто говорит: «Надо же, как интересно! А я и не знал». И это «не знал» совершенно не унижает человека, потому что всего знать невозможно, ведь так?

Да, я очень ценю образованность и умение признавать свои ошибки. Но почему-то эти два прекрасных качества имеют свойство отключаться, когда речь заходит о христианстве.

– Ну, удачи в борьбе с демонами, – говорит мне давняя знакомая, когда узнаёт, что я по-прежнему хожу в храм.

Вздыхаю и обещаю себе молчать. Краем глаза наблюдаю, как она наслаждается удачно произнесённой фразы. Не выдерживаю и всё-таки говорю.

– Послушай, ну ты же явно некомпетентна в этих вопросах. Я не лезу в твои компьютеры, потому что ничего в них не смыслю. Зачем же тебе – умной девчонке – выставлять себя дурой, размышляя о богословии?

Закусываю губу. Да, зря я так грубо... Но знакомая смотрит на меня, как на ничего не понимающего ребёнка, и ничтоже сумняшеся говорит:

– Компьютеры можно понять, а Бога – нет, так что всем можно о Нём размышлять.

Дальше она, конечно, говорит о средневековой инквизиции и попах на Bentley. А я иду и удивляюсь. Нет, не тому, что язычник-Гомер удостоился большего уважения, чем вся христианская цивилизация. А тому, что права моя знакомая: каждый из нас может рассуждать о Боге. Потому что Он уважает нашу свободу.

Даже если мы хотим быть невеждами, не признающими свои ошибки.

Между двумя главными заповедями

Ты знаешь, как устроен сноуборд? Нет? Ну, не беда, я сейчас всё объясню. Сноуборд – это гладкая доска, которая идеально скользит по наклонной снежной поверхности. Настолько идеально, что если не хочешь сломать шею, то лучше на неё не вставать. Но если всё-таки очень захочется, то ты обнаружишь на боковых частях доски металлические зубчики, которые называются кантом. Именно они, цепляясь за снег, позволяют сноубордистам управлять своим транспортным средством.

Когда едешь на переднем канте, то ты стоишь на носочках, смотришь вверх и видишь перед собой небо и снежную вершину. В этом есть свои плюсы: отсутствие страха, прекрасные виды, возможность увернуться от врезающихся в тебя новичков. Но есть минус: ты можешь сбить того, кто едет сзади тебя.

Когда едешь на заднем канте, то ты стоишь на пятках, смотришь вниз и видишь перед собой трассу и окружающие её ущелья. В этом тоже есть свои минусы и плюсы: тебе страшно от высоты, на тебя могут налететь неопытные катальщики, но зато ты сам никого не собьёшь и сможешь заметить тех, кто нуждается в помощи.

Эти нехитрые наблюдения я сделала, сидя на заснеженном склоне Эльбруса. Пока мои товарищи наслаждались спуском, а я – акклиматизацией, мне в голову пришла мысль: «А ведь это чем-то похоже на две главные христианские заповеди». Кто-то возвышенно смотрит вверх, на Бога, но почему-то сбивает с ног своих ближних. А кто-то не возвышенно смотрит вниз, на несовершенный мир, но зато помогает людям...

Конечно, как и любое другое, моё сравнение получилось несовершенным и неполным, не учитывающим множество разных «если».

Но стоит добавить одну важную деталь: настоящие сноубордисты чередуют два канта...

Зона комфорта

Моя зона комфорта похожа на космический корабль. Она довольно большая, в ней есть всё необходимое вроде запаса провизии и кислорода. Конечно, я ощущаю границы и периодически бьюсь головой о низкий потолок, но всё-таки мне нравится чувствовать себя в относительной безопасности. А на красоту звёзд и планет можно и в иллюминатор полюбоваться.

Иногда в космическом корабле загорается красная кнопка непредвиденных событий. Мои коллеги-космонавты начинают надевать скафандры. Я тоже надеваю, но медленно и неохотно, как валенки на прогулку во двор детского садика. Но не потому, что я не умею одеваться. А потому, что мысли о выходе в открытый космос жизни меня пугают.

– Заболела? Я не могу заболеть, у меня завтра десять встреч и два концерта!

– Пойти в поход? Жить неделю без душа в компании незнакомых людей? Нет, спасибо, я дома посижу.

– Извиниться? Переступить через свою королевскую гордость? Ни-за-что.

– Освоить новую профессию? С нуля? Вы издеваетесь?

Кажется, что открытый космос проблем и непривычных ситуаций разорвёт меня на мелкие кусочки. Но выбора у меня нет. Прыжок! Я зажмуриваюсь и... лечу. Оказывается, что я могу принять и осмыслить самый невероятный космос.

Одна проблема: за время полёта я выросла. Теперь мне нужен новый космический корабль.

Православные девочки

Когда мне говорят о том, что православные девочки – наивные и не приспособленные к жизни на этой планете существа, я скептически молчу. А потом не менее скептически говорю: «Наверное, такие есть». В порядке аномального исключения.

Да, православные девочки верят в Бога. Но когда их знакомые, пересмотрев передачи про пришельцев и экстрасенсов, начинают гадать на кофейной гуще, то православные девочки скептически говорят: «Хватит переводить продукты!» Потому что настоящая вера спасает их от суеверий.

Да, православные девочки верят в любовь. Но когда к ним приходят подружки и начинают жаловаться: «Мы живём вместе с парнем 4 года, как думаешь, когда он сделает мне предложение?» – православные девочки скептически думают про себя: «Честно? Думаю, никогда. Если бы он хотел, то уже сделал бы, разве нет?»

Да, православные девочки бывают разные. Но большинство из них вполне себе сформировавшиеся и социализированные личности с глубоким внутренним миром и навыками критического мышления. Хотя...

(Скептически смотрю в зеркало).

Преимственность

Меня всегда очень радовали слова апостола Павла о молчании женщин в Церкви. Я видела в них не запрет или ограничение, а желанное освобождение от непосильной ноши. «Ты под защитой, тебе не надо воевать, доказывать и спорить», – читала я между строк и с радостью соглашалась на это. Теоретически.

На практике же вся моя жизнь до поступления в Московскую духовную академию была наполнена разговорами о Боге. Инициаторами этих бесед были мои ищущие, а иногда и откровенно смеющиеся над верой товарищи. И я, как умела (скорее, как не умела), держала удар.

Особенно мне доставалось от одноклассника-интеллектуала, который любил смущать меня каверзными вопросами в стиле: «Может ли Бог создать камень, который Он не сможет поднять?» Пока он с победным видом наслаждался моей растерянностью, внутри меня накапливались тоска и чувство одиночества.

Однажды этих чувств накопилось так много, что я, обыкновенно краткая и сдержанная, без особой надежды на помощь рассказала на исповеди о своих горестях. Священник задумчиво выслушал меня и задал всего один вопрос: «Какая фамилия у твоего одноклассника?» А услышав мой ответ, улыбнулся: «Похожий почерк. Я учился в школе с его папой».

Всего одна фраза. Но какое же утешение она подарила моей неуверенной детской душе. Неужели над батюшкой – таким взрослым и мудрым – когда-то могли смеяться? Неужели тот мальчик, каким он был, смог вырасти в такого уверенного взрослого? Неужели я тоже однажды смогу расправить плечи, не получая в спину смешки о своей вере?..

Всего одна фраза. Но она превратила меня из неуклюжей одинокой девочки в приемницу Истины.

Спасибо, Господи, за слова, которыми Ты утешаешь нас друг через друга.

Игра в ассоциации

Давай поиграем в ассоциации? Я скажу тебе слово: «Литература». О чём ты подумаешь?

Может быть, о Пушкине, который «наше всё». А может быть, о русской поэзии серебряного века – противоречивой и надломленной. А почему, собственно, обязательно о русской? Мало, что ли, на свете других стран? Гомер и Гёте, Данте и Диккенс, Шекспир и Шекли, Ремарк и Роулинг – называй любое имя и будешь прав. Потому что наверняка про литературу можно сказать только одно – она разная. И если кто-нибудь скажет: «Неправильно, литература должна ассоциироваться со школьным кабинетом на третьем этаже», – ты сможешь вполне резонно ответить: «Сударь, при всём уважении, это – ваше частное мнение».

А теперь я скажу тебе слово: «Христианство». О чём ты подумаешь?

Может быть, о его богатейшем культурном наследии – пении и иконах. А может быть, о его святых. Может быть, о страстях, а может, о добродетелях. А может быть, ты, оказавшись в меньшинстве, подумаешь о Христе. Полуразрушенные храмы русского севера или римские катакомбы, украшенные драгоценными камнями потиры или изданные на дешёвой бумаге Евангелия, заповеди и таинства – это тоже христианство. Такое разное и многоликое. Способное утешить и малограмотную старушку, и интеллигентного учёного.

Что бы ты ни сказал, ты будешь прав. Ведь не бывает неправильных ассоциаций.

Просто если бы нас подслушивал спрятавшийся за дверью психолог (нет-нет, не переживай, я никого не приглашала, это так, фантазия), то он бы сказал, что твои ассоциации – в первую очередь не о христианстве, а о тебе самом. Такие уж психологи люди – вечно что-нибудь говорят...

Целомудрие

Целомудрие до отношений – это собирание костра.

Это время, когда ты, полный радостного интереса к удивительному миру вокруг, накапливаешь жизненный опыт. Соединяя веточки открытий, ты вьёшь свой внутренний мир. Осторожно выбираешь прутики, чтобы не вплести в свою душу гнилые. Ведь когда в твоём костре гнилое или пластмассовое, то бывает режущий глаза дым.

Идя по увлекательной дороге самопознания, ты открываешь в себе силу своего пола. Ты замираешь, любуясь на свою спящую мужественность или женственность. Благодарить Бога за то, что она – такая удивительная и прекрасная – в тебе есть. Укрываешь её махровым одеялом, чтобы не тревожить хрупкий сон. Ведь огонь – это не ручной котёнок, с которым можно поиграть.

Ты относишься к людям с доброжелательной открытостью. Многие из них становятся твоими друзьями. Но некоторые протягивают жадные руки к спящей внутри тебя силе. Ты говоришь им твёрдое: «Нет». Потому что знаешь: они – не те, с кем ты захочешь сидеть у костра в страшную безлунную ночь.

Но однажды в твоей жизни появляется особенный друг. Тот, с которым так хорошо говорить, что хочется растянуть разговор на несколько вечностей. Чья ладонь такая тёплая и родная, что не хочется выпускать её ни на минуту. Тот, с кем хочется сидеть у костра всю жизнь.

Целомудрие в отношениях до брака – это предотвращение пожара.

Между вами возникают все возможные на земле притяжения. Ваши души и тела готовы сплестись в унисон, но вы – бездомные скитальцы. Стены вашей крепости, защищающей от сквозняка любопытных взглядов, ещё не воздвигнуты. И как бы ни были желанны объятия, вы стоите друг перед другом на расстоянии вытянутой руки.

А если кто-то, на секунду забывшись, переступает невидимую черту, то другой бережно останавливает его:

– Поверь, для меня нет ничего желаннее жизни с тобой. Но мне невыносимо думать, что эти взгляды станут смотреть на тебя осуждающе. Я никому не позволю смеяться над тобой. И сам никогда не посмеюсь. Я хочу сохранить твою тайну. Я хочу уберечь тебя от боли. Я хочу подарить тебе сказку.

Вы счастливы от встречи и несчастны от разлук. Вы, любящие до несвойственного жадной страсти разумия, бережёте друг друга от пожара. Вам до смешного мало сгореть до тла! Вы хотите долгую и счастливую жизнь с вдохновляющей работой и собранной за большим столом семьёй.

Вашему огню нужны стены. Не чтобы заточить в тюрьму, а чтобы защитить от ветра.

Целомудрие в браке – это поддержание огня.

Вероятность, что порыв страсти сожжёт вас до тла, уходит в прошлое. Костёр любви горит ровно, утешая и согревая не только вас, но и собравшихся вокруг детей и друзей.

Вы, как и мечтали, идёте по одной тропинке, ведя разговор длинную в несколько вечностей. Ваши дни проходят в радостном труде собирания ветвей для очага.

Вы знаете страшную историю о том, что бывают лживые наваждения, когда чужой костёр начинает казаться лучше своего. Заболевший наваждением берёт голыми руками свою

половину горящих дров и переносит их к другому кострищу. Несущий обжигает свои руки и сердце. Оставшийся пытается поддерживать огонь, но некогда устойчивая конструкция поленьев рушится. Плачут дети, оставшиеся без света. Мёрзнут друзья, оставшиеся без тепла.

Вы бережёте костёр любви, радуясь, что заложенная Богом сила приносит удивительный плод. Как закалившееся мужество служит опорой и защитой. Как расцветшая женственность дарит утешение и покой.

Целомудрие – это когда тебе хватает мудрости не разбиться на осколки.

Про грех

Знаешь, друг, раньше во мне жили слова «грех» и «нельзя», а теперь они заменились на «несчастье» и «больно».

Раньше я бы сказала: «Жаждешь запретной любви? Нельзя. Всё-таки решил в неё нырнуть? Грех». Теперь я говорю: «Жаждешь запретной любви? Как же ты одинок и несчастен. Всё-таки решил в неё нырнуть? Как же тебе больно и тошно от самого себя».

Раньше я думала, что Бог, живущий на небе, ревнует к нашему земному счастью. Иначе зачем Ему заточать сладкие поцелуи в оковы тяжеловесных обязательств? Почему Он не одобряет такой романтичный выход в окно, когда все они, стоя у гроба с белыми розами и трагичной музыкой на фоне, наконец-то оценят четырнадцатилетнюю меня по достоинству? Почему Он отвлекает меня от прогулок и фильмов, заставляя произносить непонятные по грамматике и смыслу слова? Или какое Ему дело до съеденного мной в пятницу мороженого?

Теперь я знаю, что поцелуи человека, не готового тебя приручить, оставляют на коже ожоги. Что после выхода в окно остаётся кровавая лепёшка на асфальте и несмываемое многолетними слезами горе ни в чём не виноватых людей. Что молитва – это свидание с Любящим, который печально и терпеливо ждёт, когда Его назовут Любимым. А что до мороженого... Впрочем, заболтались мы тут с тобой.

В общем, друг, я не хочу грешить. Не потому, что «Бог накажет» или «в аду горячие сковородки». Просто мой опыт говорит, что христианство – это разумно и счастливо. Вот и всё.

Слуга закона

Ты приходишь ко мне с расправленными плечами и аккуратной причёской. Открываешь книгу, в которой чёрными буквами по белой бумаге написано о том, как должно быть. Начинаешь читать. Я, сгорбившись и запустив пальцы в запутавшиеся волосы, слушаю твой спокойный беспристрастный голос.

Ты говоришь, что всё должно быть правильно. И я соглашаюсь: как же ещё, если не правильно? И ты, одобрительно кивнув, продолжаешь. Читаешь Символ веры, цитируешь отцов, ссылаешься на катехизис. И я соглашаюсь: хорошие источники, достойная аргументация, кристально-точная логика.

Тогда ты приводишь мне подробную классификацию грехов. Рассказываешь, чем блуд отличается от прелюбодеяния, а лихоимство – от сребролюбия. Холоднокровно заключаешь: «Царства Божия не наследуют». Ждёшь соглашения и, не дождавшись, подозрительно смотришь на меня: «Уж не из этих ли ты, которые...» Я поднимаю на тебя красные от слёз глаза.

Ты отшатываешься, забираешь книгу и бормочешь: «А я-то думал... И эта обманулась...» Уходишь. Я смотрю тебе в след с благодарностью и жалостью, ведь тебе – служителю веры – предстоит отпустить грехи и решать, над чьей головой произносить «аксиос».

Ты уходишь, а я остаюсь плакать, надеяться и любить.

Моя некомпетентность

Если честно, нет ни одной области, в которой я бы чувствовала себя хоть мало-мальски компетентной.

Богослужебный устав? Явно нет. Да, я смогу вовремя ответить «Тебе, Господи» на возглас диакона, но еще случится какой-нибудь эдакий случай вроде престольного праздника в Великий пост, то я задумаюсь. Крепко так задумаюсь. Задумаюсь о том, а что я, собственно, тут делаю, когда на земле есть настоящие профессионалы.

Музыка? Ха-ха-ха. Да, человеку, никогда не державшему в руках гитару, я могу показаться маэстро. Но когда среди тонкочувствующих эстетов мне придётся стать свидетелем сравнения двух исполнений арии Петра из оратории Баха, то я буду удивлённо молчать. Потому что при всём желании не услышу никакой разницы между «высокодуховным» и «всего лишь страстным» исполнением и почувствую себя безнадежно потерянной. Это чувство будет углубляться тем, что ВСЕ, кроме меня, эту разницу услышат. И я буду долго думать и не понимать: это из серии «а король-то – голый» или у меня действительно такое чёрствое сердце?

Литература? Я вас умоляю! Куда уж мне тягаться с литераторами, которые говорят о Пушкине так, как будто вчера общались с ним тет-а-тет? Я всего лишь любитель литературы, а не её знаток.

Ну, может, хотя бы духовная жизнь? Тут-то какие проблемы? Но я бы сказала, что они здесь только начинаются. Вплоть до того, что мне – проучившейся три года в духовном центре Руси – режет слух фраза «я молился». Серьёзно? Ты говорил лицом к лицу с Богом? Расскажи, каково это? Правда, что слаще этого нет ничего на земле?.. А, ты имел в виду, что вычитывал правило? А я-то уж подумала...

Но удивительным и непостижимым образом, несмотря на всю мою некомпетентность, я нужна. Потому что отец Матфей (Мормыль) один, а храмов – много. Потому что гениальный Пушкин жив, пока его читаю негениальная я. Потому что, слыша моё вычитываемое по слогам правило, Бог улыбается.

Мой талант

Однажды в умной психологической книжке я прочитала совет для тех, кто не может найти своё дело: «Вспомните, что вы любили делать в детстве». Хоть особых проблем с выбором пути у меня не было, совет показался мне весьма любопытным. Поскольку память надёжно припрятала от меня детские воспоминания, я при первой же возможности ненавязчиво спросила у мамы: «А что я любила в детстве?» И мама ответила: «Собирать пазлы».

Я, признаться, ждала чего-то более романтического и несколько разочаровалась в самой себе. Тоже мне, дело жизни. Ерунда какая-то. Но чем больше я думала над этим, тем лучше понимала себя и свой подход к жизни.

На первый взгляд собирание пазлов трудно назвать творчеством, ведь итоговая картинка уже нарисована Художником. Но зрителю это станет очевидным только тогда, когда найдётся человек, способный собрать тысячи маленьких деталек в единое целое. И этот человек, собирающий рассыпанное, – я.

Я снова и снова забываю годы жизни Пушкина, путаюсь в научных терминах и краснею в ответ на вопрос: «А смотрела ли ты это всемирно известное кино?» Но из своих скудных знаний я умею собирать удивительные словесные картины. И хоть они нарисованы не мной, а Художником, я радуюсь им, как своим.

Они действительно мои. И ваши тоже. Не потому, что мы их создали. А потому что Художник рисовал для нас.

Творческое бытие

Мне очень обидно, когда творческое начало сводят до отдельных видов искусства. «Ты пишешь стихи? Вау, да ты творческий человек!» Да, я творческий человек. Но не потому, что пишу стихи. Точнее, не только поэтому. Я верю, что словосочетание «творческий человек» можно сократить до простого «человек». Потому что творчество есть в каждом.

Есть оно и в тебе. Потому что творчество – это выделять цветными маркерами темы в конспектах. Это вышивать гладью бабочек на воротнике рубашки. Это покупать синие тарелки вместо белых, потому что они лучше подходят к интерьеру кухни. Это сокращать тяжеловесную дробь до изящной единицы. Это танцевать музыку руками. Это вкладывать в слова молитв свои смыслы. Это играть с ребёнком в придуманную вами игру.

Не бывает высоких и низких творчеств. Бог сотворил бескрайний космос, но не забыл про смешную черепашку, живущую в панцире. Потому что великое и масштабное было бы пустым без маленького и уютного.

С какой же лёгкостью ты ежедневно творишь этот мир! Творишь свою работу, легкую для тебя и загадочную для большинства людей. Подобно героям романов, творишь свою любовь. Творишь единственное и неповторимое детство своих детей.

Какая же это сладкая ответственность – творить своё бытие.

Знание – убийца красоты?

Каждый знает чувство очарованности: ремеслом, искусством, человеком. Оно случается тогда, когда мы впервые встречаем что-то таинственное и до слёз прекрасное.

– Я сегодня была на службе. Там красиво пел хор, а ещё были священники, и свечи горели. Сказочно!

– Представляешь, музыка – это набор семи нот! Какая же это загадка...

– Он так интересно говорит! Кажется, я влюбилась.

Некоторые знают чувство разочарования и скуки. Оно приходит тогда, когда мы вдоль и поперёк изучили ремесло, искусство, человека.

– Я сегодня была на службе. Хор завалил стихиры, диакон не попадал в тон, священник возгласы путал, алтарники свечи не могли вовремя вынести. Бардак.

– Слушать уже не могу эту музыку. Доминанта, тоника, три четверти... Ничего нового человечество уже не придумает!

– А он всё говорит и говорит...

И только немногие знают чувство удивления и детской радости, которое приходит после того, как все учебники прочитаны и все вопросы заданы.

– Я сегодня была на службе. И благодарила за это Бога.

– Вчера девочка в песочнице напевала что-то необыкновенное... Одним словом, посмотришь мою новую песню?

– Да что тебе рассказать... Попривыкли мы друг ко другу.

И знаете... Только когда тусклое стекло очарованности разбивается, рождается Любовь. Та, которая сорадуется истине. И истинной красоте.

Смиренная радость принятия

Мы привыкли, что настоящая христианская любовь – это отдавать. Причём желательно отдавать нужное нам самим: время, когда его в обрез, помощь, когда валимся с ног, сочувствие, когда у самих внутри цунами, конфету, когда она последняя (ведь если не последняя, то это уже не любовь, а так, сама собой разумеющаяся мелочь). Но любовь – это многогранная полнота. И эта полнота немислима без глагола «принимать».

Ох, как же мы далеки от умения принимать. Особенно принимать с благодарностью. С улыбкой и сияющими от счастья глазами. Без уничижительного «я не достойна». Без холодного «у нас нет денег». Без сварливого «а я ждала чего-нибудь получше», невысказанного словами, но сквозящего во всём.

А ведь отдающий видел нашу грусть и хотел исполнить евангельское «друг друга тяготы носите». Он думал о нас, искал «то самое» на многочисленных полках магазина и подбирал ленточку под цвет. Но мы малодушно испугались показать свою слабость (ведь, принимая, мы признаёмся, что бедны) и не дали ему испытать радость дарения. Наши грусть и тяжесть оказались важнее, чем живой человек рядом.

Когда хозяйка старательно печёт пироги, неизвестно, кому это больше нужно: семье, чтобы вкусно поесть и почувствовать заботу, или ей, чтобы получить благодарный взгляд от мужа и услышать от детей: «Спасибо, мамочка, а можно ещё?»

Когда Бог прислушивается к нашему молитвенному лепету и смотрит на посвящённые Ему храмы, то Он похож на отца, присевшего на колени рассмотреть построенный из кубиков замок. Он – Создавший и кубики, и нас – не нуждается ни в чём. Но раз за разом с царственным смирением принимает наши поделки. Принимает, чтобы подарить радость дарения.

Спасибо, милая хозяйка, за твои вкусные пироги. Спасибо, товарищ-книголюб, за твои интересные книги. Спасибо, мой неромантичный друг, за твой неромантичный, но такой практичный конверт. И спасибо, Господи, что мы – такие бедные – всё-таки имеем возможность дарить.

И со смиренной радостью принимать.

Деньрожденная благодарность

Какой же у меня классный возраст! Золотая середина между «уже» и «ещё». Уже большая и могу жить так, как хочу; ещё молодая и могу говорить «всё впереди». Уже обрела прекрасное настоящее; ещё могу мечтать о неведомом грядущем. Уже жена и мама; ещё дочка и внучка. Какое же это богатство!..

Ощущаю всю жизнь как непрерывный праздник, не привязанный к конкретной дате. И день рождения – просто один из счастливых дней, лишённый детской сакральности. И подарков не жду (жизнь и так щедро одарила), и признаний от кого-то неведомого (потому что ведомые близкие уже во всём признались).

Ничего не жду, а оно всё случается и случается по милости Божьей и человеческой любви.

Рядом барахтается утренний будитель, на кухне слышны голоса мамы и сестёр, в окно стучится город детства. Лежу и пробую на вкус новую сладко-арбузную цифру: 23.

СпасиБо за всё-всё-всё!

Вопрос, который лучше не задавать

Слова – это ответственность. И, задавая собеседнику очередной вопрос, ты должен быть готов к ответу.

– Почему у вас нет детей?

– Потому что мы очень хотим, но не можем. Потому что я бесплодна. Потому что он бесплоден. Потому что у нас отличные анализы, но врачи разводят руками. Потому что я потеряла ребенка. Потому что я потеряла двух детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.